

Они нашли постоянный двор. Вывеска его была ветхой, а само здание почти полностью скрывалось за густой кроной старой акации, что придавало месту вид уединённый и спокойный.

Не лучший вариант для процветающего бизнеса, зато отличное место для долгих бесед.

Ци Цзюнь с юных лет не жаловал конфуцианские каноны, зато питал особую страсть к военному искусству, географии и быту разных земель. Су Яо с увлечением рассказывал ему о том, что довелось увидеть на юге, а Ци Цзюнь слушал, не отрываясь.

— Господа, блюда ещё...

Полотера вошел в комнату, неся заказанную ими белую курицу и тарелку овощей, но прежде чем успел поставить еду на стол, снизу донесся шум.

— Ты чего пристал, а? Проваливай, не порти нам настроение!

— Прошу прощения, господа, я сейчас схожу проверю. — Полотера извиняющимся тоном улыбнулся, вытер пот полотенцем, висевшим у него на плечах, и поспешно спустился вниз.

Прошло время, но шум не стихал — напротив, становилось лишь громче.

— Ци, пойдем глянем, — предложил Су Яо.

Они вместе спустились в общий зал.

— Ваша лошадь ранена, кость задета. Если не заняться лечением, будете горько жалеть.

Говорил старик в рваных одеждах, с всклокоченными волосами, которые от долгого отсутствия гигиены свалились в грязные космы.

— Ты кроме этого что-нибудь еще умеешь? Я только купил эту кобылу! Не накликай беду! — огрызнулся молодой человек, одетый как слуга. Из-за невыносимого зловония, исходившего от старика, он постоянно зажимал нос.

— Господин, прошу, умерьте гнев! — полотера метался между ними, пытаясь разнять спорщиков. Но старик не обращал на него никакого внимания, лишь упорно повторял одно и то же, глядя на слугу.

— Старик, умоляю тебя, сегодня гости в зале, иди поскандаль в другом месте! — Полотера попытался удержать его, но старик оказался силен, как буйвол, и с легкостью отшвырнул

юношу в сторону.

— Этот почтенный говорит, что ваша лошадь ранена. Я немного смыслю в конях, позвольте взглянуть? — видя, что ситуация выходит из-под контроля, Ци Цзюнь поспешил вмешаться.

Слуга бросил на него и Су Яо небрежный взгляд и бессильно опустился на стул:

— Делайте что хотите. Моя лошадь привязана к акации у входа, смотри, если надо! Только уберите отсюда этого вонючку, от него несет за версту!

— Пойдемте с нами, старец, — обратился Ци Цзюнь к старику.

Они взяли фонарь и вышли к старой акации. На дереве действительно была привязана черная лошадь. Она стояла смирно, но было видно, что задние ноги даются ей с трудом. Ци Цзюнь присел и начал сантиметр за сантиметром ощупывать ногу животного. В глубине голени он почувствовал крошечный след перелома. Хотя повреждение было серьезным, из-за специфики места лошадь не сразу ощутила боль, но если заставить её бежать...

— Почтенный, как вы разглядели такое скрытое повреждение? Поразительно, — поднялся Ци Цзюнь, выражая восхищение.

— Я не разглядел. Я слеп. Я услышал, — ответил старик хриплым голосом.

— Услышали?

— Лошади тоже умеют говорить.

Ци Цзюнь вздрогнул. По преданиям, племя Мэньло из пустынных степей севера обладало способностью понимать язык лошадей. Он и раньше замечал в невнятной речи старика густой северный акцент, а теперь лишь утвердился в своих подозрениях.

— Вы из племени Мэньло? — осторожно спросил Ци Цзюнь.

Эти три слова упали, словно тяжелый камень в глубокий омут, подняв тысячи брызг. Старик внезапно пришел в крайнее возбуждение и с диким криком бросился на Ци Цзюня.

Только теперь Ци Цзюнь разглядел его глаза под спутанными волосами: они были ярко-зелеными, как нефрит, но при этом затянутыми густой белесой пеленой.

— Циша... Таньлан... Ха-ха-ха! Я же говорил, я говорил, он не обманет! Ха-ха-ха! Всё сходится, всё сходится! Скоро, уже совсем скоро...

— Кто? Какой еще Циша? — понизив голос, спросил Ци Цзюнь.

Но старик больше не отвечал, лишь заливался безумным смехом. В тишине ночи этот звук звучал пугающе.

— Господин, вернемся скорее, не слушайте его, — полотера подошел с фонарем и потянул Ци Цзюня за рукав.

— Полотера, а что это за старик? — спросил Су Яо, который всё это время молча наблюдал за происходящим.

— Бедолага, помешался рассудком, — горько усмехнулся тот. — Три года назад, зимой, в сильный буран, он окоченел у наших дверей. Хозяину стало жаль его, вот и приютил в заднем дворе. Обычно он ведет себя тихо, никуда не выходит, а сегодня не знаю, что на него нашло...

На акации внезапно каркнули вороны, две птицы, чей цвет перьев был чернее самой ночи, взмахнули крыльями и устремились в небо.

Полотера замолчал на полуслове. Су Яо и Ци Цзюнь переглянулись, но не проронили ни звука.

На обратном пути, хотя раньше они могли часами беседовать, оба хранили молчание.

— Цзычжао, о чем ты думаешь? — наконец не выдержал Ци Цзюнь.

— О словах этого безумца, — ответил Су Яо.

— Вот как?

— Я думаю, не являются ли Циша и Таньлан, о которых он твердил, именами звезд из предсказаний по Цзывэй Доушу. Говорят, звезда Циша — это звезда одиночества, испытаний и казней, вестник успеха или поражения, ведающий властью и жизнью со смертью. А звезда Таньлан — владыка удачи и несчастий, покровитель распутников. Если к ним добавляется звезда Поцзюнь, то при встрече этих трех звезд в небесном дворце рождается ситуация Ша-По-Лан.

— ...

— Прости, наговорил всякого вздора, заставил тебя смеяться, — видя растерянность на лице Ци Цзюня, Су Яо осекся.

— Вовсе нет, просто я никогда раньше такого не слышал, вот и опешил.

Мир устроен так: долгие разделения ведут к объединению, а долгие объединения — к разделениям.

Спустя много лет, глядя на дым от сигнальных костров, поднимающийся над крепостной стеной, сидящий в густой траве Ци Цзюнь вновь вспомнил ту ночь.

Только в его памяти всплывали не рассказы Су Яо о южных городках на берегах рек и не танцы девушек в шелковых платьях под звуки цитры.

Он вспоминал старика с бельмами на глазах и тот пронзительный вороний крик.

Ибо в том и заключается величие судьбы, что она никогда не движется по прямой.

<http://bllate.org/book/21170/2144734>